

Петроград, февраль 1917

Удача всегда нескромна. Удача вполне заслуживает награждения Георгиевским крестом, потому что с ней победа быстра и легка, а Ксения Федоровна Осолина представляла себя не иначе как победительницей. Еще бы! Это ли не удача — в самый разгар войны увидеть у себя на дне рождения одного небезынского молодого офицера из императорской гвардии! И это в то время, когда сотни тысяч русских гибнут на фронтах, простирающихся от Балтики до Дуная! Ксения, не колеблясь, послала приглашение и даже позвонила, чтобы удостовериться, действительно ли этот гвардеец в отпуске. Ее мать пришла бы в ужас, узнав об этом звонке, нарушающем все правила хорошего тона.

Прижавшись носом к окну, Ксения подышала на двойное стекло, как делала это в детстве, чтобы видеть улицу. Оказалось, что с возрастом она не стала терпеливее. Как бы там ни было, но кучка манифестантов, собравшихся возле Казанского собора, не испортит ей праздник.

Раздался стук входной двери, и густой голос отца наполнил прихожую. Судя по интонациям, отец был сердит, возможно, даже разгневан. Ксения слышала, как он, пыхтя, словно медведь, снимает тяжелую шубу и нетвердым шагом, волоча правую ногу, раненную в сражении, пересекает комнату, направляясь в сторону своего кабинета.

Ксения была одета в длинную полосатую юбку и белую блузку с плиссированным воротником. От накинутой на плечи шали все еще шел острый запах лекарств из госпиталя, куда она ходила ухаживать за ранеными.

Тяжелой работы там Ксении не поручали — в пятнадцать лет еще рано полностью выполнять обязанности сестры милосердия и лечить гнойные раны, — но и от помощи не отказывались. Девушка готовила перевязочный материал, дезинфицировала хирургические инструменты или разговаривала с солдатами, поднимая им настроение.

Услышав шаги отца, Ксения, не зажигая лампы, вышла в окутанный послеобеденными сумерками салон и застыла на месте. Настенные часы отсчитывали минуты. В салоне стояли журнальные столики из красного дерева, стулья с резными ножками, его украшали персидские ковры, зеркала, консоли с головами сфинксов. На стенах висела коллекция работ знаменитых художников, которая была известна многим ценителям искусства. Даже с закрытыми глазами девушка могла скользить среди предметов интерьера, сделанных из карельской березы, пианино со стоящими на нем эмалированными рамками с портретами и коллекцией табакерок. Да и все остальные комнаты их уютного, но строгого дома, окна которого выходили на замерзшие каналы, она знала наизусть. Для нее здесь не было секретов. В бархатной тишине ей казалось, что она слышит, как в венах дома бьется пульс, оживляя все вокруг. Не зря дом находился как раз посередине между двумя православными соборами.

Звуки голосов вернули Ксению к действительности, и она услышала, что отец разговаривает по телефону. В последнее время у нее вошло в привычку слушать разговоры других людей. И не только родителей. Прогуливаясь по улицам, она прислушивалась ко всем витающим в воздухе сплетням и жалобам.

Вот уже в течение нескольких месяцев возле булочных, начиная с самого утра, собирались громадные очереди. Женщины в зимних пальто с обветренными от холода щеками жаловались на высокие цены и требовали хлеба.

Они обвиняли власти в продажности немцам, неспособности организовать снабжение города продовольствием, возникновении повального дефицита: угля, мясопродуктов, свечей, мыла, сахара. Многие считали, что убийство Распутина решит проблемы, но ситуация не улучшилась, словно даже из могилы старец продолжал оказывать свое пагубное влияние. У Ксении мурашки ползли по коже при мысли о том, что из-за нехватки дров в неблагополучных районах города умирают бедняки.

Осолины тоже вынуждены были экономить. Не так, как в былые времена, отапливался дом. Часть комнат закрыли до весны, и Ксении приходилось делить спальню со своей младшей сестрой, которая каждый вечер требовала, чтобы ей читали сказки и легенды. Когда ребенок засыпал, девушка накрывала его ворохом одеял.

— Картофель уже стоит пять рублей! А ведь до войны его цена была всего пятнадцать копеек. Как же люди могут прожить, Нина? — восклицал отец.

Наверное, дверь в кабинет осталась приоткрытой. Ксения различила тихий голос матери, пытавшейся утихомирить мужа. Нина Петровна Осолина со своими деликатными манерами и спокойным взглядом относилась к тем мягким женщинам, которые играют роль доброго ангела при муже со взрывным характером.

Ксения сама много раз видела, как ее отец или дядья, заслуженные гвардейские офицеры, повиновались своим супругам, хотя те никогда даже не повышали голоса. Была в этих вояках какая-то восприимчивость к мягкости.

И это не могло не удивлять. Естественно, что отец возмущался ценами на пищевые продукты. Умный человек, он часто говорил, что, выигрывая войну на фронтах, Россия тем не менее проигрывает ее в тылу. Действительно, при виде трамваев, застывших на рельсах еще несколько месяцев назад, беспокойных заседаний депутатов в Таври-

ческом дворце оставалось только согласиться, что тыл святой России хрипит, словно загнанная лошадь.

Вспомнив о ждущем ее в комнате голубом платье из сатина и тюля, обшитом фальшивым жемчугом, Ксения сдвинула брови. Под страхом самого строгого наказания, какое только могла придумать, она запретила Маше прикасаться к своему наряду. Родители пообещали устроить старшей дочери праздник в благодарность за прилежную учебу в Оболенском лицее и за работу сестрой милосердия. Вместе с матерью они ходили на Моховую улицу к Анне Григорьевне Гиндус — портнихе, которая училась в Париже у самой Жанны Пакэн¹ и являлась для девушки воплощением элегантности. Складывалось впечатление, что Ксения празднует свое появление на свет на целый год раньше, что устраивало ее как нельзя лучше. Она не любила быть такой, как все. Рассказывая своим подругам про праздничный обед, который состоится сразу после просмотра пьесы Лермонтова в Александровском театре, она чувствовала на себе завистливые взгляды. Не могло быть и речи о том, что лихорадочное возбуждение, охватившее город, помешает радостям, к которым она готовилась несколько недель.

Ксения решительно сбежала по лестнице, чтобы присоединиться к отцу. Ей вдруг захотелось увидеть его и удостовериться, что все будет хорошо.

Войдя в кабинет, она увидела, что генерал Осолин читает депешу, свободной рукой массируя затылок. Маленькие очки в золотой оправе придавали ему вид студента. Ксения очень любила отца и абсолютно доверяла ему. Рядом с ним исчезали все сомнения, любая неуверенность. Высокого роста, широкоплечий, с сильными рука-

---

¹ Французский кутюрье, у которой одевались представители высшего света Европы конца XIX — начала XX века.

ми, он, казалось, был весь пропитан жизненной силой солнца. Глядя, как резвится на его руках сестренка, Ксения иногда жалела, что стала слишком взрослой для того, чтобы получать звонкие поцелуи в щеку, когда шикарные усы щекочут кожу.

Негромко чертыхнувшись и бросив депешу на журнальный столик, отец заметил приход старшей дочери. Морщины на его лице тут же разгладились. Он снял очки, от которых на носу остались красноватые отпечатки.

— Это ты, голубушка. А я и не слышал, как ты вошла. Ну и как чувствует себя королева праздника?

— А ты? Как себя чувствуешь ты, папа?

Он опустил в кожаное кресло, положив руки на письменный стол, прямо на кучу бумаг. На губах появилась ироническая ухмылка, которая совершенно ему не шла.

— Насколько я помню, мы едем в театр посмотреть «Маскарад». Прекрасная ирония вроде... Мне кажется, я живу этим целый день.

— Говорят, что декорации мрачноваты, — заметила Ксения, немного нервничая. — Но все равно постановка обещает быть превосходной. В театре соберется весь свет, даже члены императорской семьи.

Она удивилась своей просительной интонации. Неужели этот несчастный поход в театр имеет такое большое значение? Ксения вспомнила новое платье, сатиновые туфельки, банты, которые вплетут ей в волосы. Считать себя взрослой и в то же время с детской непосредственностью радоваться подобным мелочам?

— С января город просто погряз в праздниках, — расстроено произнес отец, тоже, наверное, считая, что дочь думает только об увеселениях.

— Это не праздники, а благотворительные мероприятия, папа, — возразила она. — Средства поступают в пользу наших раненых.